

М. В. Друзин, Б. П. Миловидов

Дневник А. В. Богданович: судьба рукописи и история публикации*

Дневник Александры Викторовны Богданович (1845–1914) (далее — А. В.) хорошо известен историкам, изучающим пореформенную Россию, прежде всего под названием «Три последних самодержца». Публикация этого дневника в 1924 г. и его последующие неоднократные переиздания ввели в отечественную и зарубежную историографию фигуру генерала от инфантерии Евгения Васильевича Богдановича (1829–1914) в качестве старосты Исаакиевского собора, монархиста и общественного деятеля, распространявшего в конце 1870 — 1900-х гг. в народных массах бесплатные брошюры промонархического толка. Еще больший интерес историков вызвал описываемый на страницах дневника «салон», который посещали журналисты, предприниматели, чиновники порой самых высоких рангов, иностранцы — за завтраками и обедами в квартире Богдановичей они обменивались последними новостями из жизни империи. Информированность хозяев салона и автора дневника не могла не вызывать огромный интерес со стороны историков и востребованность ими этого источника. Однако дневник А. В. в 1924 г. был опубликован лишь фрагментарно, часто тенденциозно и с искажениями подлинного текста, в связи с чем его использование в научных целях имеет известные ограничения.

А. В. вела дневник 34 года, ежедневно внося в него записи о событиях, о которых ей стало известно в этот день, о лицах, посетивших гостеприимную квартиру Богдановичей, и пересказы самых важных, по мнению А. В., бесед

* Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ 20-09-00005 А.

гостей и хозяев. Много места в дневнике А. В. уделяла сыну Николаю и любимому и дорогому мужу — отмечались состояние их здоровья, успехи и неудачи в учебе и на службе. Немало времени и сил А. В. посвящала многочисленным родственникам.

Надо отметить, что существование дневника А. В. не являлось ни для кого секретом, ни при ее жизни, ни после смерти. На страницах дневника она периодически упоминает, что говорила о своем ежедневном занятии то одному, то другому гостю. Запись за 17 ноября 1880 г. открывается так: «Пришел [П. П.] Косаговский — я писала; думал, что пишу мой дневник, а, наоборот, списывала его стихи»¹. В каких-то случаях дневник мог быть и средством манипулирования гостями салона. Так, 10 января 1881 г., после мимолетного охлаждения отношений, А. В. сообщает А. С. Суворину, что пишет о нем в своем дневнике «и желала бы в понедельник написать, что сегодня обедал Суворин — я ему все простила»². А 30 ноября 1891 г. А. В. сообщает, что читала генералу М. И. Батянову «свой дневник за 1880 г., в нем часто упоминается его имя»³. Некоторые, то ли в шутку, то ли всерьез, опасались этого дневника, говоря А. В. Богданович, что рискованно при ней делиться сокровенным, так как это может попасть в ее дневник. Такое мнение, например, высказал в разговоре с А. В. 12 апреля 1889 г. петербургский митрополит Исидор. Про себя митрополит сказал, что сжег свои бумаги, а «дневника никогда не писал»⁴. Последнее, кстати, неправда: дневник Исидора сохранился. Кое-кто прямо просил не фиксировать в дневнике ту или другую информацию: 20 мая 1889 г. супруга А. С. Суворина, «умная бабенка», просила А. В. не записывать «всего ею сказанного в дневник»⁵.

Вот и в некрологах на смерть А. В. сразу несколько ведущих газет в начале декабря 1914 г. сообщали, что почившая вела дневник, «куда она вписывала все интересные разговоры и особенно сильные впечатления». Одни озадачивались вопросом, будет ли он когда-нибудь издан⁶, другие авторитетно заявляли, что, согласно воле умершей, дневник будет опубликован не ранее чем спустя 25 лет⁷.

На протяжении десятилетий, пока А. В. вела дневник, она не раз фиксировала на его страницах мотивы, по которым взвалила на себя утомительный труд по ежедневной записи впечатлений и событий прошедшего дня. И мотивы эти с годами менялись.

Представляется, что начало ведения дневника обусловлено двумя взаимосвязанными обстоятельствами. В 1878 г., за который сохранились первые известные фрагменты дневника, Е. В. Богданович становится старостой Исаакиевского собора, начинает издавать свои патриотические брошюры, которые тысячами расходились среди самых разных слоев общества. Его популярность растет. Салон Богдановичей посещает все больше самых разнообразных ходо-таев. Всех этих гостей с их просьбами нужно было как-то запоминать, лучше всего — делать записи. Кроме того, в 1873 г. Е. В. Богданович впервые сталкивается с проблемами со зрением, настолько серьезными, что 5 октября просит министра внутренних дел об отпуске на три недели в Вену для консультации

с тамошним окулистом профессором К. Ф. фон Арльтом⁸. А в письме от 25 января 1884 г. Владимиру Денисовичу Заике Е. В. Богданович сообщает, что письма теперь пишет под его диктовку жена из-за его болезни глаз⁹. При этом в письме 27 декабря 1883 г. Е. В. признается министру внутренних дел Д. А. Толстому, что вот уже 20 лет ведет дневник и заносит в него «все выдающиеся события и их характеристику»¹⁰. О судьбе дневника Е. В. Богдановича нам ничего не известно. О его существовании А. В. упомянет еще 21 февраля и 29 декабря 1888 и 12 апреля 1889 г.¹¹ А 30 января 1891 г. она запишет: «Заходил Куломзин. Он говорил Евг[ению] Вас[ильевичу], что не откровенно с ним говорит оттого, что боится попасть в его дневник»¹². Дневник А. В. стал своеобразным дополнением, а со временем и заменой дневника Е. В., и обременительная обязанность ведения ежедневных записей постепенно перешла от генерала к супруге, которая долгие годы была фактически его секретарем. Но даже если Е. В. и не был инициатором ведения супругой дневника, то, учитывая отношение А. В. к мужу, он был осведомлен о его существовании и содержании. Этот дневник, очевидно, помимо всего прочего являлся для супругов своеобразной справочной книжкой, в которой фиксировались важнейшие визиты и деловые разговоры.

В первое десятилетие ведения дневника А. В., скорее всего, не придавала ему общественного значения, и уж тем более не думала о его возможной публикации. Более того, она сомневалась, стоит ли продолжать начатое дело. Под 1 января 1880 г. читаем: «Хотела в этом году не писать больше своего дневника, оставить и сжечь за прошлый год, но сын подарил мне эту книгу, это дало мне охоту писать»¹³. Неоднократно она признается (5 мая 1888 и 9 октября 1890 г.), что пишет дневник для себя, что «никто никогда не будет читать эти строки»¹⁴. Вместе с тем А. В. отчетливо понимала опасность, которую может представлять дневник для его владельцев. Упомянув о личной жизни Александра II 13 декабря 1880 г., А. В. тут же отметила: «...об этом нельзя писать, никто не знает, что может случиться, могут украсть и этот бесцветный дневник»¹⁵.

А. В. постоянно осмысливала ведение дневника, отрабатывала методологию внесения записей, беспокоилась о его объективности. «Анализом я не занимаюсь в своем дневнике, может, со временем буду. Но теперь, как чувствую себя нервной и больной, я буду слишком отдаваться или в одну, или в другую сторону и не буду справедлива»¹⁶ — эти строки занесены 15 апреля 1890 г.

22 марта 1893 г. она записывает: «Читала сегодня свои дневники, как много былого я забыла, и прочитывая, все возобновилось в памяти. Одно жалею, что ленива более подробно описывать, были годы, когда я много философствовала, теперь я от этого отучилась, кому интересно читать чувствования незнакомой ему личности, так как я не могу быть уверена, что мне удастся мои дневники уничтожить перед моей смертью. Я могу умереть не в Петербурге, могу умереть внезапно и пр., тогда судьба моих дневников может быть иная, чем та, которую я им назначила, когда я начала писать, т. е. чтобы мне самой одной, читая их, вспоминать прежнее время»¹⁷.

В течение нескольких месяцев, последовавших после гибели сына Николая от рук революционеров, каждая запись в дневнике начиналась с того, что А. В. изливала на его страницах свое горе и отчаяние. Эти строки часто занимали до половины записи за день. 19 апреля 1906 г. она, наконец, пишет: «О моей скорби, об ужасном моем томлении писать не буду больше, моя скорбь умрет со мной — никогда я не успокоюсь, всегда буду страдать, плакать, горевать. Эти книжечки, — пишет она о дневнике, — могут кому-либо после моей смерти попасть в руки, что за интерес будет равнодушному человеку читать вопль страдающей души»¹⁸. К своему горю А. В. будет, конечно, на страницах дневника возвращаться вновь и вновь. Но в приведенных строках явно проступает понимание автором не только личного, но и общественного значения многолетних записей, которые она аккуратно вела.

Вместе с тем А. В. неоднократно отмечает, что писала дневник для сына. Более того, 21 февраля 1888 г. она записала, что и Е. В. вел свой дневник для Николая, «чтобы он видел, что отец поработал и что его ценили такие люди, как он (К. П. Победоносцев. — *М. Д., Б. М.*)»¹⁹.

После смерти сына единственным, ради кого А. В. продолжает вести дневник, остался супруг. 6 сентября 1906 г. следует запись: «Много есть что записать, но душа не лежит писать свои заметки, если и продолжаю это — только для того, в случае Евгений Васильевич что забудет, ему напомнить, так как и моя память совсем изменила мне, то приходится писать»²⁰.

К счастью, А. В. не решилась уничтожить свой дневник перед смертью.

Александра Викторовна Богданович скончалась 2 (15) декабря 1914 г., через три месяца после смерти мужа в своей петербургской квартире. Эту квартиру в знаменитом доме Мятлевых (Исаакиевская площадь, д. 9 — Почтамтская улица, д. 2) супруги Богданович снимали с 1908 г.²¹ Погребена она была на Никольском кладбище Александро-Невской лавры²². Менее чем за месяц до смерти, 11 ноября 1914 г., А. В. составила завещание. В первую очередь она позаботилась о сохранении памяти своих родных, оставив деньги на памятник на могиле мужа, на памятник сыну в Тамбове, и на поминание себя и своих родственников. На эти цели предназначалось в общей сложности 16 тыс. руб. Самую крупную сумму А. В. оставила невестке, вдове убитого сына — Марии Александровне Богданович (урожд. Ваксель) — 23 тыс. руб. «капиталом нового займа, лежащего в Государственном банке» с тем условием, что если «она будет довольна сыном», то часть уделит ему. «Затем сыну ее Киру, моему, говорят, внуку, тем же новым 5% займом 2000 р.». Остальные деньги небольшими суммами предназначались нескольким лицам, из которых особо надо отметить горничную Екатерину Осипову, которой полагалось 1 тыс. руб. рентой. На оставшиеся после уплаты мелких долгов суммы, среди прочего, А. В. завещала организовать в Царском Селе при 4-м Стрелковом императорской фамилии полку музей ее мужа. Богданович указала, кому передать иконы, золотые и серебряные вещи,

картины, одежду и даже белье, причем не только свое, но и мужа, вино в подвале и т. п. Несколько пунктов завещания касались бумаг: «5. Конверт, запечатанный с надписью: [“]В Румянцевский музей[”] не раскрывать, отдать министру вн[утренних] дел отправить сейчас же в музей в Москву. Дневники мои поручить Екатерине по номерам собрать, запереть в сундук, который открыть через 25 лет. <...> 9. Все бумаги, письма, не разбирая, уложить в ящики, и все ящики с бумагами отдать в Румянцевский музей, раскрыть через 30 лет»²³. Заметим, что горничная Екатерина, которой поручалось сложить дневники, была неграмотна, и под описью вещей в квартире за нее расписалась М. А. Богданович²⁴.

Итак, имущество, находившееся в квартире, было описано, ценности сданы судебным приставом на хранение в Государственный банк и в Ссудную казну. А завещание А. В. 12 декабря 1914 г. поступило в Петроградский окружной суд, и по поручению М. А. Богданович присяжный поверенный Б. Г. Веселовский подал 29 января 1915 г. туда заявление о его утверждении²⁵. В феврале 1915 г. М. А. Богданович, как самая крупная наследница, «принимая во внимание, что квартира покойной в самом скором времени должна быть очищена за истечением срока договора», подала в Петроградскую дворянскую опеку прошение о назначении ее опекушкой над имуществом А. В. Богданович. Это прошение было удовлетворено определением от 25 февраля 1915 г.²⁶ Общая сумма наследства оказалась не слишком велика: по первой оценке 89 612 руб. 06 коп. Домашнее имущество, находившееся в квартире, оценивалось в 5 тыс. руб.; деньгами числилось 29 935 руб. (из них наличными 25 391 руб. 55 коп., и на текущем счету в коммерческом банке «И. В. Юнкер и К» 4544 руб. 31 коп.). Остальную долю имущества составили процентные бумаги, большей частью государственные, но имелись и акции Воскресенского горнопромышленного общества на 1 тыс. руб. и пай Товарищества А. В. Суворина «Новое время» на имя Е. В. Богдановича в 5 тыс. руб., стоимость которого была оценена всего в 500 руб.²⁷

По описи вещей видно, что в квартире хранилось довольно много бумаг, которые, очевидно, составляли архив Богдановичей. Так, в приемной стояли два шкафа «с картонками с бумагами, не имеющими денежной ценности». Еще один шкаф в кабинете, четыре — в спальне, две этажерки и шкаф в образной, шкаф в коридоре. В каждом из них, помимо вещей, хранились бумаги, газеты, брошюры²⁸. Как следует из отметки на описи, все имущество, находившееся в квартире, 3 марта 1915 г. было передано поверенному опекушки Б. Г. Веселовскому²⁹. Очевидно, в числе прочего был передан архив Богдановичей. М. А. Богданович, как следовало из ее прошений, проживала на Каменноостровском проспекте в д. 24а. Туда, видимо, и переехали дневники А. В.³⁰

После утверждения 22 апреля 1915 г. судом завещания А. В. ее невестка вновь обратилась 12 мая в дворянскую опеку с просьбой назначить ее опекушкой по исполнению завещания. Эта просьба была удовлетворена³¹. 19 мая она попросила опеку сообщить это решение мировому судье 1-го участка, поскольку без его санкции невозможно было получить наследство, в первую очередь —

деньги из банка и ценные вещи, помещенные временно в Ссудную казну. При этом наследница объясняла: «...движимость, бывшую в квартире покойной, я уже приняла раньше в свое заведывание»³².

Пункт завещания об отправке бумаг Е. В. Богдановича в Румянцевский музей, по крайней мере частично, был исполнен. Ныне в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки, созданной в советское время на основе Румянцевского музея и называвшейся Государственной библиотекой СССР им. В.И. Ленина, хранится фонд Е. В. Богдановича, насчитывающий 32 единицы хранения (ф. 664). В фонде в основном представлены относящиеся к началу XX в. письма Е. В. Богдановича к разным лицам, наиболее значительный комплекс составляют письма за 1905–1914 гг., адресованные Николаю II (ед. хр. 11–13). В фонде хранятся также небольшие отрывки (выписки) из дневника А. В. Богданович за 1905–1907 гг., выполненные на машинке и имеющие авторскую правку карандашом (ед. хр. 27)³³. Можно предполагать, что в запечатанном конверте, который А. В. завещала отправить через министра внутренних дел, и были письма к императору, ставшие основой фонда.

Судьба остальной части архива, в том числе и дневника А. В., оказалась иной.

Мария Александровна Богданович в это время проживала вместе с сыном Кириллом и престарелой матерью Прасковьей Алексеевной Ваксель, урожденной Львовой (дочерью автора гимна «Боже, Царя храни!»), за которой требовался постоянный уход. По воспоминаниям Ольги Александровны Ваксель (1903–1932), племянницы М. А. Богданович, в 1917 г. П. А. Ваксель после «удара» «потеряла речь и движения». Тогда внучка вместе со своим отцом А. А. Вакселем в последний раз видела бабушку. О. А. Ваксель в своих мемуарах называет и предположительный год смерти бабушки — 1920³⁴. Поиск сведений о смерти П. А. Ваксель в книгах регистрации ЗАГС Петроградского района с ноября 1919 по март 1921 г. положительного результата не дал³⁵. Мария Александровна Богданович скончалась 9 января 1919 г. К этому моменту по документам местом ее жительства по-прежнему считалась кв. 25 дома 24а по Каменноостровскому пр., переименованному в пр. Красных Зорь. К сожалению, в загсовской записи не указаны ни причина смерти, ни место погребения, ни семейное положение. Заявление о смерти было сделано неким «Н. Вос.», жившим в Гатчине³⁶. При заселении в квартиру новых жильцов (семьи некоего В. М. Комиссарова) и передаче им имущества умершей Марии Александровны 15 июля 1919 г. была составлена опись мебели и вещей, находившихся в трех комнатах ее пятикомнатной квартиры. Никаких указаний на наличие в квартире архива, в описи, к сожалению, не имеется. В квартире не было ни утвари, ни «платья», ни денег, ни ценностей³⁷. Что находилось в двух других комнатах — неизвестно. По акту обследования квартиры, составленному 3 апреля 1920 г., там по-прежнему жила семья Комиссаровых, причем изолированных и запечатанных комнат не имелось³⁸.

Однако оставались живы другие дети Прасковьи Алексеевны, в частности — Прасковья Александровна Салова (1864–1946), вдова В. В. Салова — постоянного гостя А. В. и Е. В. Богдановичей. Они могли кому-либо продать/передать хранившиеся на квартире П. А. Ваксель дневники сами или через посредника. Так или иначе, в конце 1920 г. «благодаря счастливой случайности» дневник А. В. Богданович оказывается в Российской публичной библиотеке³⁹.

На то, что в середине 1920 г. архив, скорее всего, жил своей «домашней жизнью», находясь у кого-то из его владельцев, указывают сохранившиеся в РГИА в фонде Е. В. Богдановича материалы. Одно из его дел представляет собой собрание нескольких десятков газетных вырезок, помещенных архивистами в конверт. Посвященные совершенно разным темам, они по большей части относятся ко второй половине 1900-х — 1910-м гг. Среди вырезок встречаются и листки из отрывных календарей, очевидно привлечшие того, кто их сохранил, напечатанной на них информацией — прежде всего текстами религиозного содержания или стихами, посвященными памяти умерших, а иногда историческими датами. Последние по времени листки — за 22 февраля, 8 марта, 9 и 22 июня 1920 г.⁴⁰ Хотя календарь за 1920 г. был посвящен истории русского революционного движения, вряд ли эти листки подмешали к бумагам Богдановичей сотрудники Публичной библиотеки.

Первый исследователь, готовивший дневник А. В. к изданию, видимо, в 1921–1923 гг., — Дмитрий Иванович Абрамович, с 22 марта 1920 г. заведовавший рукописным фондом нового времени Рукописного отделения Публичной библиотеки, — в предисловии к подготовленной для публикации рукописи отметил, что тетради дневника «были найдены и переданы»⁴¹ в библиотеку. Кем и при каких обстоятельствах — Д. И. Абрамович, к сожалению, не сообщил. Поиски в Отделе архивных документов РНБ хоть каких-нибудь следов поступления дневника в Рукописное отделение успехом не увенчались.

Дабы обозначить весь спектр предположений о местонахождении дневника А. В. Богданович до конца 1920 г., необходимо напомнить о еще одной коллекции документов Отдела рукописей РНБ — собрании автографов Платона Львовича Вакселя (ОР РНБ. Ф. 124), среди которых более двух десятков писем разных деятелей к Е. В. Богдановичу за 1880–1913 гг. П. Л. Ваксель (1844–1918) приходился М. А. Богданович родным дядей. Коллекция П. Л. Вакселя после его смерти перешла к его приемному сыну Э. П. Юргенсону, а в 1919 г. была куплена у последнего Наркомпросом и передана в Публичную библиотеку⁴². Если письма к Е. В. Богдановичу, оказавшиеся в коллекции П. Л. Вакселя, были переданы/проданы коллекционеру не самим Евгением Васильевичем, а уже после смерти последнего наследницей М. А. Богданович, то и дневники А. В. вполне могли перебраться к П. Л. Вакселю от племянницы, а затем каким-то образом оказались в Публичной библиотеке.

Кроме того, неясно, попали ли дошедшая до нас часть архива и дневник в Публичную библиотеку одновременно или разными путями либо же были

воссоединены в единый архивный фонд уже в 1930-е гг. На то, что дневник поступал в состав фонд Публичной библиотеки частями, указывает и отсутствие в первоначально подготовленном для публикации тексте имевшего первостепенное значение дневника за 1881 г. — вероятно, в распоряжении Д. И. Абрамовича его не было.

Ныне дела, составляющие дневник, входят в опись № 1 фонда 1620 (Богданович Евгений Васильевич) Российского государственного исторического архива. Дела этой описи (567 номеров, № 568 добавился в 1963 г.), согласно сохранившейся карточке фонда, числились в ГАУ НКВД СССР с апреля 1930 г. и некоторое время хранились в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ). Они образовывали тогда фонд № 482⁴³. Карточка составлялась, очевидно, не ранее конца 1930-х гг. и отражает названия учреждений того времени. До 1938 г. союзными архивами руководило Центральное архивное управление Союза ССР (ЦАУ СССР), а предшественником образованного в 1931 г. ГАФКЭ было Древлехранилище Московского отделения Центрального исторического архива РСФСР. Именно в ГАФКЭ в 1930-е гг. концентрировались фонды императорской фамилии, фонды государственных и общественных деятелей XIX — начала XX в.⁴⁴ В то время дневники получили розоватые обложки из плотной бумаги со штампом ГАФКЭ. В этот же период (в 1940 г.⁴⁵) была составлена рукописная опись, действовавшая до недавнего времени, когда ее заменила новая, усовершенствованная. В мае 1941 г. в рамках проводившейся масштабной реформы архивов фонд передали во вновь образованный Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ). Старый номер фонда 22/с (482) был заменен новым — 546⁴⁶. Эта замена номера отражена в описи. Именно № 546 — первый номер фонда, появившийся на бумажных обложках дел дневника Богданович. В годы Великой Отечественной войны фонд находился в эвакуации, чем, возможно, объясняется исчезновение двух тетрадей дневника. По акту от 16 ноября 1950 г. эти дела числились отсутствующими. Дело № 420 нашлось в 1962 г., а дело № 374 (дневник с 29 июня по 3 июля 1907 г.) так и не обнаружено⁴⁷. В декабре 1961 г. в результате объединения ЦГИАМ и Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОРСС) был создан Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления (ЦГАОР СССР, ныне его преемник — Государственный архив Российской Федерации). Последствием этой реформы стала передача в декабре 1962 г. фонда Е. В. Богдановича в Ленинград, в Центральный государственный исторический архив (ЦГИА СССР, ныне — Российский государственный исторический архив)⁴⁸. Фонд получил новый номер — 1620. Еще до создания ЦГАОР СССР, в июле 1960 г. ГАУ СССР приняло решение присоединить к фонду Е. В. Богдановича в ЦГАОРСС его же небольшой фонд, находившийся в составе Центрального государственного литературного архива (фонд имел номер 1236), куда он попал

в ходе архивной реформы 1941 г. из Государственного литературного музея. Решение о соединении обоих фондов фактически было исполнено в сентябре 1963 г., и передачу производил уже реформированный Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ) в ЦГИА СССР⁴⁹, где новые 40 дел (в основном письма) образовали опись № 2 фонда 1620⁵⁰.

ЦГИА СССР тогда занимал здания Сената и Синода. И дневник А. В. после многолетних странствий оказался совсем неподалеку от «родного» дома на Исаакиевской площади, откуда он был вывезен после смерти хозяйки. Правда, часть дневника Богданович (тетради за 1888–1894 гг.) еще раз совершила путешествие в Москву — они были выданы в ноябре 1964 г. на два с небольшим месяца в ЦГАОР СССР во временное пользование в связи с подготовкой под руководством П. А. Зайончковского издания дневника государственного секретаря А. А. Половцова⁵¹.

Хранящийся в РГИА дневник А. В. Богданович и материалы, непосредственно к нему относящиеся, охватывают период с 1878 по 1912 г. и составляют 235 архивных дел (дела № 233–468, кроме отсутствующего № 374). Сюда входит сам дневник, выписки (извлечения) из него, справочные книжки, составленные самой А. В., и приложения преимущественно в виде газетных вырезок. Собственно дневниковые записи насчитывают более 9 тысяч листов с оборотами.

Формат дневника и его структура в разные периоды отличались. До середины 1900-х гг. А. В. вела записи в тетрадях «учебного формата» в линейку размером 170×209 мм, заключенных в твердые картонные переплеты. Первые годы, за которые тетради сохранились полностью, — 1880 и 1881-й. Большею частью это действительно записи, которые А. В. вела ежедневно вечером или на следующий день. Их можно условно называть основным дневником. Разметка по датам с указанием дней недели делалась автором заранее на год вперед, в 1880 г. на день отводилось две трети страницы — 14 разлинованных строк, в 1881 г. — одна страница в 21 строку. Такая система при различном объеме материала, который А. В. считала нужным записать, приводила к большой вариабельности в плотности текста и 14 строк могли превратиться в 28–30, а 21 строка могла превратиться в 45. Сделанная заранее стандартная разметка помимо неравномерной плотности текста приводила к тому, что часть материала, который считала нужным зафиксировать А. В., все равно не умещалась в дневник, особенно это касалось записей за 1880 г. В итоге появились особенные заметки (особые отметки).

Эти записи за отдельные числа (но без указания дней недели) размещены за 1880 и 1881 гг. в тетрадях после основного текста дневника. В 1880 г. они являлись дополнением к дневнику, а в 1881 г. представляли собой краткий пересказ важнейших для страны и семьи автора событий, отраженных в основном

дневнике, хотя иногда с некоторыми дополнительными деталями. Синхронные дневнику особенные заметки за 1881 г. таким образом предвосхитили выписки, делавшиеся А. В. из своего дневника много десятилетий спустя. Особенности заметки сохранились (под названием «записная книга») и за 1879 г. Начинаются они с записи за 11 февраля: «В этой книге не буду писать ежедневно, только тогда, когда мало будет у меня в той места, чтобы вылить на бумагу все то, что меня волновало в течение дня». Очевидно, что «та книга» — не дошедший до нас основной дневник. О существовании дневника за 1879 г. говорит и еще одно обстоятельство. В тетрадку с выписками за 1888 г. оказался вложен клочок бумаги шириной в 4 строки, на котором на пишущей машинке, т. е. уже, очевидно, в начале XX в., напечатан следующий текст: «Слова, сказанные Колей 26 августа 1879 года: “на вопрос Евгения Васильевича, к кому он пойдет, если мы разведемся? Коля ответил: я вас опять обоих сведу. Остроумно”»⁵². Среди выписок из дневника, сделанных самой А. В., сохранились две тетрадки с записями за 21 марта с 1878 по 1902 г. Они имеют на этикетках нумерацию: № 1 и № 2⁵³. Почему А. В. выбрала именно эту дату, сказать сложно. Из дневника А. В. следует, что 20 марта 1892 г. сын Богдановичей Николай закончил лицей — состоялся прощальный лицейский обед⁵⁴. На следующий день начиналась его взрослая жизнь, чего так ждала и боялась А. В. Возможно это и определило выбор даты для таких «сквозных» выписок, ведь они составлялись по всей видимости уже после гибели сына в 1905 г. Во всяком случае, версия эта представляется нам психологически достоверной. Отметим, что фактически А. В. переносила в выписки не только то, что фиксировала в этот день в разные годы, туда вошли в ряде случаев события, занесенные в дневник под 22, и даже под 23 марта, т. е. в день именин ее сестры Лидии⁵⁵. Как бы то ни было, выписки свидетельствуют о существовании дневника за 1878 г. То же подтверждается дневниковой записью А. В. от 30 января 1891 г.: «Достала я свой старый дневник за 1878 г[од]. Меня заняло это чтение, хотя тогда я очень мало записывала, не видно в нем ни моих впечатлений, только говорится о тех людях, кот[орые] нас посещали»⁵⁶. Сохранившиеся дневники за 1880 и 1881 гг. имеют на обложках этикетки, на которых рукой автора проставлены даты и номера 1 и 2 с пометами в скобках: «не вошел в нумерацию». Так что, вероятно, эти тетради хранились отдельно от прочих и свои номера получили уже к концу жизни автора, когда были утрачены более ранние дневники.

Делая указанные пометы, А. В. имела в виду нумерацию, относящуюся к следующей группе тетрадей: с записями за январь 1888 — июнь 1905 г. с № 2 по 57. Дневниковые записи за 1881 г. обрываются на 17 июля, и листы с разметкой до 31 декабря остались незаполненными. Это вполне объяснимо личным кризисом, связанным со смертью отца, а также отъездом Е. В. Богдановича на заграничное лечение, что должно было повлечь сокращение интересной информации для записи. Отсутствие дневников за 1882–1887 гг., по всей видимости, тоже объясняется особенностями биографии Е. В. Богдановича. В 1887 г.,

совершив поездку за границу, он оказался в опале. Е. В. Богдановича обвинили в обсуждении в Париже с президентом Ж. Гриви условий союзного трактата России с Францией. Эти переговоры велись без санкции властей в обход внешнеполитического ведомства. Можно предполагать, что дневники, свидетельствующие о французских контактах Е. В. Богдановича, А. В. уничтожила. Опасность, которую таило ведение дневников, она, как уже говорилось, понимала. Отсутствуют следы дневника за 1882–1887 гг. и в выписках.

Начиная с 1888 г. от предварительной разметки дневника автор отказалась, так что количество страниц, приходящихся на день, стало различным (обычно 2 страницы на день, но иногда и 4, и 3, и 1), а плотность записей относительно равномерна. Поэтому надобность в особых заметках отпала. Иногда А. В. пропускала несколько дней, но такие случаи довольно редки. При этом А. В. теперь всегда начинала запись за очередной день с начала страницы. Дни недели она тоже перестала указывать, ограничиваясь числом и месяцем. Важной особенностью стало появление в составе дневника газетных вырезок. А. В. всегда внимательно следила за прессой и хранила интересовавшие ее газетные заметки, прежде всего политического содержания. Упоминания о газетных сообщениях в ее дневнике — не редкость. Со второй половины 1890-х гг. она начинает вклеивать такие вырезки на страницы дневника, сопровождая суждения прессы своими комментариями. Особенно много вырезок в дневниках встречается за первую половину 1900-х гг. и за время революции 1905–1907 гг. Очевидно, что политических новостей из газет А. В. с некоторых пор, а особенно после манифеста 17 октября 1905 г., могла почерпнуть больше, чем из разговоров с посетителями своего салона. Большую политику делали люди, по преимуществу далекие от салона Богдановичей.

Что следует считать отсутствующим № 1 — дневники за 1878–1879 гг. или за конец 1887 г. — неясно. Но в этой самой большой по объему текста и хронологическому охвату серии тетрадей (книг, по выражению, самой Богданович) отсутствуют ныне также № 6 (1 января — 26 марта 1889 г.), № 27 (17 марта — 20 июня 1895 г.), № 34 (17 февраля — 30 апреля 1897 г.), № 41 (17 июня — 5 декабря 1899 г.), № 44 (1 января — 8 мая 1901 г.), № 46 (5 октября — 10 декабря 1901 г.), № 48–54 (с 29 января 1902 по 13 октября 1904 г.), № 56 (22 января — 16 апреля 1905 г.). Получается, что на момент составления архивной описи этих частей дневника в фонде уже не было. Книга под № 57 (д. 294) заканчивается 11 июня 1905 г.

Далее следует лакуна. Совершенно ясно, что ведение дневника автор прерывать не намеревалась. В последней записи читаем: «Кончаю эту книжку, много тяжелого пришлось в нее вписать <...> Да поможет мне Господь Бог утешительное записывать в следующей книжке, чтобы мой Евгений Васильевич и мой Коля были здоровы и было все благополучно»⁵⁷. Дневник продолжается с 27 января 1906 г., т. е. уже после смерти сына. В этот полугодовой промежуток вполне могли бы уложиться книги под № 58, 59 и 60 за 12 июня 1905 — 26 января 1906 г., которые можно считать утраченными.

Особое значение поэтому имеют краткие дневники, составляющие дело № 293. Оно представляет собой две маленькие тетрадки в синих бумажных обложках без всяких этикеток, в которых содержатся краткие записи о политических событиях с конца 1904 по 11 декабря 1905 г., т. е. они отчасти восполняют несохранившиеся основные дневники за вторую половину 1905 г. По объему записи эти близки к справочным книжкам (о них речь пойдет ниже), но ряд из них имеют более пространственный характер. Сравнение этих записей с сохранившимся основным дневником за первую половину 1905 г. позволяет установить, что краткий дневник не является сокращенным вариантом основного, а имеет самостоятельный характер, иногда содержит информацию, не попавшую в основной. Оба дневника велись параллельно. Причем записи в краткий дневник А. В. делала чаще прежде, чем в основной, который нередко заполнялся на следующий день. Это видно по употреблению, например, слов «сегодня» и «вчера». В кратком дневнике событие, особенно вечернее, отражено как произошедшее «сегодня», а в основном оно же записано под следующим днем, но как случившееся накануне⁵⁸.

С 27 января 1906 г. А. В. ведет дневниковые записи в тетрадках небольшого формата наподобие записных книжек, с синими бумажными обложками (110×175 мм). Они имеют свою нумерацию с № 1 (д. 295) по № 150 (д. 442). В этой серии, заканчивающейся 3 февраля 1909 г., отсутствуют № 37–38 за 25 декабря 1906 — 2 января 1907 г. и № 82 за период с 29 июня по 3 июля 1907 г. (значится в описи как дело № 374). В такой тетрадке, как правило, помещались записи за несколько дней, причем зачастую преобладали газетные вырезки. Затем А. В. возвращается к записям в тетради (книги) прежнего, большого формата, продолжив прерванную нумерацию с № 61, с 3 февраля 1909 г. (д. 443). С этого времени объем авторского текста постепенно возрастает, а количество газетных статей уменьшается. В этой серии имеются и свои лакуны: книги № 63 (22 апреля — 24 июля 1909 г.), № 67 (10 декабря 1909 — 19 марта 1910 г.), № 69 (30 июня — 28 сентября 1910 г.), № 73 (26 марта — 13 июня 1911 г.), № 76–77 (4 ноября 1911 — 17 февраля 1912 г.) и № 79 (26 марта — 28 апреля 1912 г.). Последняя книга имеет № 80 и завершается записью за 21 июня 1912 г. (д. 457). При этом А. В. сохранила и практику ведения параллельных, не повторяющих основной дневник кратких записей в тетрадках малого формата. Такая тетрадка с заголовком «Заметки» сохранилась за 1912 г. (д. 456). Она включает в себя записи за разные дни с 20 февраля по 6 мая. Таким образом, до нас дошли записи от 27 марта, 18 и 25 апреля, в то время как основной дневник за эти дни не сохранился.

В 1900-е гг. А. В., скорее всего уже после смерти сына, перечитывает свой дневник за предыдущие десятилетия и начинает обработку огромного массива записей. В частности, ею были составлены справочные книжки, имевшие № с 1 по 12 и охватывающие период с 25 января 1889 по 4 ноября 1897 г. (д. 458–466). В них под каждым числом обозначены кратко важнейшие

сюжеты, о которых шла речь в дневнике. Книжки с № 3, 8 и 11, к сожалению, не сохранились. Зато особенно интересна книжка № 1, поскольку благодаря ей можно составить представление о несохранившейся 6-й книге дневника (за период с 1 января по 26 марта 1889 г.) Дата составления справочных книжек определяется довольно точно. Частично сохранились черновые карандашные записи, служившие основой для этих книжек. Некоторые из них сделаны на обороте телеграмм «Санкт-Петербургского телеграфного агентства». В частности на листах телеграмм за 6 июля и 19 сентября 1907 г. сделаны записи о содержании дневниковых записей за 1890 г.⁵⁹ Важно отметить, что в справочных книжках книги дневника обозначены под теми номерами, которые указаны на этикетках рукой Богданович. Таким образом, нумерация книг дневника за период с 1888 г. — сохранившаяся книга № 2 и далее — была произведена не позднее 1907 г. Следовательно, дневники за 1882–1887 гг. к этому времени уже отсутствовали.

Каких-либо следов дневниковых тетрадей за 1882–1887 гг., как уже говорилось, нет и в выписках из дневников, сделанных А. В. Выписки были, очевидно, следующим логическим шагом в обработке дневника после справочных книжек и тоже, вероятно, относятся ко второй половине 1900-х гг. Они делались в разлинованных тетрадках такого же небольшого формата в синих бумажных обложках, как и дневники за этот период.

Выписки из дневников в основном построены по хронологии, но иногда посвящены отдельным сюжетам — Л. Н. Толстому (д. 468), финляндским делам (д. 286), а иногда имеют не вполне объяснимую мотивацию, как, например, уже упоминавшиеся записи за 21 марта. В разном объеме имеются выписки за период с 1878 по 1905 г. В них отражены преимущественно общественно-значимые события, но собиралась ли А. В. когда-либо обнародовать свои записи или работа с дневником была обусловлена исключительно внутренними психологическими мотивами — неизвестно.

Идея публикации дневника возникла, очевидно, вскоре после его поступления в Публичную библиотеку. Однако в свет часть дневниковых записей А. В. вышла только в 1924 г. под эффектным названием «Три последних самодержца».

В ОР РНБ в составе личного фонда Дмитрия Ивановича Абрамовича (1873–1955), историка русской литературы, бывшего в 1910–1927 гг. сотрудником Рукописного отделения Публичной библиотеки и заведовавшего, как уже говорилось, с 22 марта 1920 г. рукописным фондом нового времени, профессора Археологического института (с 1920) и члена-корреспондента АН РСФСР (с 1921), сохранилась рукопись «Из дневника А. В. Богданович»⁶⁰.

Она представляет собой 322 отдельных тетрадных листа, на каждом из которых (иногда — на двух) от руки написан отрывок из дневника А. В. за один день.

Внизу листа под основным текстом размещены краткие исторические комментарии, чаще всего представляющие сведения об упомянутой А. В. персоне. Сделанные выписки охватывают тетради дневника за 1879–1881 (за 1881 г. сделана всего одна выписка — за 21 марта), 1888–1911 гг.

Рукопись, подготовленная Д. И. Абрамовичем, значительно уступает в объеме вышедшей в 1924 г. книге. Для сравнения: у Д. И. Абрамовича выписки за 1879–1881 гг. заняли 0,75 авт. л., «Три последних самодержца» за тот же период содержат почти 2,5 авт. л. записей; за 1888 г. — соответственно 0,25 и почти 1,5 авт. л. Общий же объем «Из дневника А. В. Богданович» можно оценить в 5 авт. л. Но во сколько раз рукопись Д. И. Абрамовича, не увидевшая свет, была меньше книги 1924 г., настолько она была лучше подготовлена и с точки зрения археографии, и с позиций объективности в репрезентации источника через эти отдельные выписки.

Выпискам «Из дневника А. В. Богданович» предшествует краткое предисловие, в котором Д. И. Абрамович характеризует содержание дневника. Он сообщает о времени его поступления в Публичную библиотеку, называет хронологический период, который охватывает дневник, в алфавитном порядке перечисляет «выдающихся политических, военных, общественных и церковных наших деятелей конца XIX и начала XX столетия», упоминаемых А. В. — от А. А. Абазы до И. Г. Щегловитова.

В предисловии Д. И. Абрамович пишет: «Издание дневников А. В. Богданович в полном виде по условиям настоящего времени едва ли возможно, и потому редакция решила ограничиться извлечениями, расположив их в хронологическом порядке»⁶¹. Однако в самом конце рукописи сохранилось несколько рабочих записей — заготовок для предисловия. Не все из них вошли в основной текст. В одной составитель останавливается на принципах подготовки рукописи: «Я предложу ряд выдержек из этих дневников, расположив их в хронологич[еском] порядке. От какой бы то ни было систематизации я сознательно воздерживаюсь, чтобы не подать повода думать, что я (преувеличиваю) переоцениваю значение дневников А. В. Богданович»⁶².

Вместе с тем, если бы В. Ф. Джунковскому довелось ознакомиться с дневником А. В. Богданович в редакции Д. И. Абрамовича, а не в издании 1924 г., он бы совершенно точно не оставил такого примечания в своих воспоминаниях: «Разочаровался я в ней (А. В. Богданович. — М. Д., Б. М.) далеко позднее, прочтя ее дневник, изданный уже после революции»⁶³.

Дело в том, что Д. И. Абрамович не пытался из цитат А. В. Богданович сконструировать идеологически «правильный» или «нужный» образ того или иного исторического деятеля, как это сделали творцы «Трех последних самодержцев». Если у А. В. Богданович в дневниковой записи отмечались и положительные, и негативные характеристики персонажа, то они находили отражение и в выписках Д. И. Абрамовича. Все пропуски текста Дмитрий Иванович отмечал отточиями. Он старался передавать сюжет из дневника в законченном

виде, опуская другие, никак не связанные с избранным. Но сам передаваемый сюжет с помощью купюр составителем не искажался.

На страницах подлинного дневника А. В. Богданович, хранящегося в РГИА, можно увидеть разметку, сделанную синим и простым карандашом в виде «открывающих» и «закрывающих» уголков. Вопрос о том, кто мог таким образом выделять фрагменты текста, изначально предполагал три варианта ответа: сама А. В. Богданович, Д. И. Абрамович или публикаторы дневника издания 1924 г. Александра Викторовна вполне могла отмечать те записи, которые позже включала в выписки. Однако по содержанию они не совпали. Выписки, сделанные Д. И. Абрамовичем, в одних случаях совпали полностью с выделенными в подлиннике фрагментами⁶⁴, а в других — воспроизведены не целиком. При этом далеко не вся встречающаяся в дневнике разметка нашла свое воплощение в выписках Д. И. Абрамовича. Не совпадает в полной мере разметка и с изданием 1924 г., хотя готовившие его публикаторы несомненно на нее опирались. Сегодня сложно сказать, кто оставил этот след в подлинном дневнике — член-корреспондент Академии наук или неизвестные составители «Трех последних самодержцев».

Д. И. Абрамович в полной мере смог оценить дневники А. В. Богданович, хотя эту свою оценку в основной текст предисловия он не включил: «Я далеко не исчерпал богатого и разнообразного содержания дневников А. В. Б[огданович], но думаю, что и сделанных выписок достаточно для того, чтобы согласиться, что эти дневники со временем займут видное место в нашей небогатой мемуарной литературе»⁶⁵. Причины, по которым вариант текста, подготовленный Абрамовичем, не дошел до читателя, нам неизвестны.

Первая публикация части дневника А. В. Богданович состоялась, как уже говорилось, в 1924 г. в частном издательстве «Л. Д. Френкель», которое вело свою деятельность в Москве и в Ленинграде и печатало литературу по самой разной тематике⁶⁶. Название, очевидно, было дано публикаторами и, скорее всего, из коммерческих соображений. Кто именно готовил текст к печати, установить не удалось. Но при отборе текста публикаторы руководствовались конъюнктурными политическими соображениями и стремились прежде всего показать разложение и кризис «старого режима». Они использовали лишь маленькие фрагменты дневника за разные годы, произвольно вырванные из ежедневных записей автора. Поэтому опубликованная часть источника составляет около 10 % от его общего объема. В кратком обращении к читателю «От издательства» безапелляционно заявлено, что «грандиозная рукопись автора в целом настолько загромождена сотнями страниц никому не нужного, чисто домашнего материала, что читателю может быть представлена лишь кратчайшая “эксцерпция” из всей толстейшей груды исписанной бумаги»⁶⁷. Возможно, этот прием публикации лишь выдержек из обширного текста невольно «предложила» сама А. В., составляя в 1900-е гг. тетрадки с выписками из своих ежедневных записей. Хотя в заметке «от издательства» и сказано, что из записей генеральши

«взято исключительно характерное, но здесь уже без изменения хотя бы одного слова в редакционном смысле»⁶⁸, но это не соответствует действительности. Текст дневника, отличавшийся стилистической шероховатостью и даже небрежностью, подвергался некоторой редакционной обработке. В некоторых случаях в результате правок и сокращений смысл изменился на противоположный. В подлинной записи за 11 декабря 1905 г. читаем: «Пронесся слух, будто войска в Москве отказались стрелять — неправда»⁶⁹. В издании «неправда» странным образом исчезла⁷⁰. Публикаторы соединили без оговорок тексты стандартных ежедневных записей и относящихся к тем же числам «особенных заметок» (прием, кстати, тоже «подсказанный» выписками Богданович).

Опубликованным фрагментам предшествует небольшое «Предисловие» за подписью «Е. Вавилов». Очевидно, речь идет о Евгении Ивановиче Вавилове (1897–1933), человеке в издательском мире Петрограда — Ленинграда 1920-х гг. заметном. Вавилов родился в семье учителя (позже отец работал служащим Петербургского почтамта). В 1916 г. он закончил гимназию при Историко-филологическом институте в Петербурге. Прочувшись несколько месяцев в Военно-медицинской академии, поступил в армию вольноопределяющимся, а с 1 мая 1917 по 1 августа 1918 г. состоял сотрудником отдела хроники газеты «Новая жизнь». Далее он секретарь редакции «Петроградской правды» (ноябрь 1918 — август 1922), директор типографии и заведующий ленинградским отделением издательства «Молодая гвардия» (с августа 1923), а с января 1931 г. возглавил издательство «Медгиз». Одновременно с сентября 1918 по июль 1921 г. он, находясь в Петрограде, числился на службе в Красной армии (сначала служил в Петроградском окружном военном комитете, затем представлял в Петрограде политотдел 7-й армии, и даже стал помощником коменданта Петросвета) и демобилизовался с должности редактора Отдела военной литературы РВСР. С августа — сентября 1920 г. был членом РКП(б)⁷¹.

Одним словом, его карьера никак не свидетельствовала о склонности к научным занятиям, хотя Е. И. Вавилов был человеком грамотным, обладал бойким пером и считал себя журналистом⁷². Имел ли он какое-то отношение к подготовке текста, и почему именно ему было поручено писать «Предисловие», установить не удалось. «Предисловие» лишено какого-либо научного анализа публикуемого источника. Этот текст носит идеологизированный характер и изобилует выпадами против представителей «паразитического» класса, игнорирующих само существование «огромных народных масс, забитых нуждой, нищетой и невежеством». Вместе с тем Вавилов справедливо замечает, что «наибольшая ценность этого памятника как раз и заключается в полнейшем отсутствии личности» автора. «Пером А. В. Богданович водит среда»⁷³. Однако многие аспекты жизни этой среды и выпадают из поля зрения читателя, имеющего дело лишь с сокращенной версией дневника, на основании которой можно составить представление только о политических взглядах А. В. и ее окружения. В издании 1924 г. отсутствуют какие-либо комментарии. Оно снабжено

аннотированным указателем имен, выполненным, однако, на довольно низком уровне. По техническим причинам указатель не удалось издать в самом дневнике, и он был выпущен отдельной, прилагающейся к тексту брошюрой с пагинацией римскими цифрами⁷⁴. Публикация части дневника А. В. Богданович стала явным шагом назад по сравнению с уровнем дореволюционной практики издания документов. Тем не менее эта книга, вышедшая в свет небольшим тиражом, со временем стала раритетом и сохранилась лишь в крупнейших библиотеках. Об интересе к изданию говорит тот факт, что уже в 1926 г. в Париже вышел французский перевод русского издания дневника⁷⁵.

Публикация 1924 г. была почти полностью воспроизведена в 1990 г. издательством «Новости». Только в указатель имен были внесены отдельные мелкие исправления. Появилось и новое предисловие, написанное А. Н. Бохановым. Оно также носит публицистический характер и не содержит источниковедческого анализа дневника, однако заметно отличается от текста Е. И. Вавилова. Автор подчеркивает высокую ценность и информативность источника, его уникальную значимость для изучения «закулисной» истории поздней имперской России и «тайных рычагов» власти светского Петербурга. Вместе с тем предисловие отражает «классовый» подход автора к оценке событий прошлого, несмотря на то что текст был написан в перестроечные годы. А. Н. Боханов пишет о бесперспективности попыток спасти «разлагавшийся самодержавный режим» и неизбежности «революционного взрыва», осуждает стремление «исторически реабилитировать последних Романовых» и т. п.⁷⁶

Издание 1990 г. было воспроизведено издательством «Вече» в 2008 г. с немного переименованным названием, но без каких-либо изменений в тексте и указателе. Но А. Н. Боханов снабдил это издание новым предисловием. Оно написано с монархических позиций, которых к тому времени стал придерживаться автор. Довольно критически отозвавшись лично о чете Богдановичей, он подчеркнул, что дневники А. В. замечательно отразили «распад монархического сознания и эрозию национального инстинкта» российской элиты. Он полагал, что монархия в России пала потому, что «высшее общество, пресловутый “столичный бомонд” был насквозь пронизан и пропитан мелкими сиюминутными страстями и личными страстишками». Верно подметив своекорыстие Богдановичей и их окружения, поиски ими личной выгоды, чему достаточно подтверждений и в опубликованной, и в неизданной частях дневника, А. Н. Боханов отчасти все же оказался в плену выборки критических суждений, извлеченных из дневника первыми публикаторами. «“Монархисты по происхождению и должности”... — писал он, — не молились за царя, а посылали по его адресу чуть ли не проклятия»⁷⁷.

Несмотря на изъяны всех этих изданий, они до сих пор востребованы в научной среде. Исследователи довольствуются незначительными фрагментами дневника и зачастую даже не подозревают о масштабах и содержательности всего текста этого источника. Издание 1924 г. стало примером того, как не-

корректно сделанная публикация создает искаженное и неполное представление об источнике. Оно оказалось настолько прочным, что само стало основой для мифов, к созданию которых приложил руку даже участвовавший в переиздании дневников А. Н. Боханов. Если в предисловии 1990 г. к. и. н. А. Н. Боханов ничего не сказал о местонахождении рукописи и о том, что при издании в 1924 г. она подверглась существенным сокращениям, то в предисловии 2008 г., став уже доктором исторических наук, он утверждал: «Сам оригинал дневника исчез без следа и все воспроизведения (как и нынешнее) дублируют первую публикацию»⁷⁸. Непонятно, как такое мог написать выпускник истфака МГУ, где в его студенческие годы преподавал проф. П. А. Зайончковский, неоднократно ссылавшийся в своих работах на подлинник дневника, хранившийся в Ленинграде.

В последние годы, и вероятно, не без влияния суждений Боханова, в сети Интернет на монархических форумах появились тексты, в которых утверждается, что дневник А. В. — фальшивка, созданная большевиками. Подозрения эти, помимо незнания судьбы рукописи, основываются на некорректном характере передачи текста, тенденциозной выборке фрагментов в издании 1924 г. Авторы, высказывающие подобные суждения, справедливо удивляются тому, что публикация содержит непропорционально много критики императорской фамилии и «верхов» вообще, но при этом множество других, в том числе и бытовых, экономических, служебных и семейных аспектов, которые несомненно присутствовали в жизни четы Богдановичей, в изданном тексте почти не представлены⁷⁹.

Наконец, совсем недавно, в 2018 г., издательство «Захаров» предприняло новое издание дневников А. В. Богданович — вновь по изданию 1924 г., но на этот раз вовсе без предисловия. Правда, в аннотации указано, что издание осуществлено со значительными купорами, а подлинник дневника находится в Российском государственном историческом архиве⁸⁰.

Ценность и значение дневника А. В. Богданович для науки были очевидны уже ее современникам и первым публикаторам, работавшим с подлинными тетрадами этого огромного собрания, охватывающего 34 года российской истории. К сожалению, цели публикаторов, выпустивших первое сокращенное и искаженное издание 1924 г., были далеки от научных. Они не только извратили представление о содержании дневника, а через это — о взгляде автора на эпоху, но лишили читателя возможности увидеть всю сложность этого многосоставного источника. Но даже в таком истерзанном виде дневник, хотя и вызвал подозрения в своей подлинности, оказался чрезвычайно востребованным историками и пережил несколько переизданий. Один этот факт говорит о необходимости и важности полного научного комментированного издания дневника Александры Викторовны Богданович, половину своей жизни отдавшей скрупулезной

фиксации окружавшей ее действительности. Дневник А. В. Богданович — это не только собрание слухов и сплетен. Многие события, которые, пусть субъективно, освещает А. В., пусть субъективно, документально подтверждаются архивными материалами. Собственно же слухи и сплетни в большинстве случаев легко идентифицируются не без помощи автора дневника и в совокупности со множеством других фактов дают картину отношений в столичной бюрократической среде, бытовой и интеллектуальной жизни, культурных и социальных практик разных социальных групп Петербурга и России в 1880–1900-е гг. Немало сюжетов в дневнике можно прочесть между строк. Они касаются личной жизни, общественной и предпринимательской активности четы Богдановичей, что позволяет скорректировать сложившийся в историографии взгляд на салон Богдановичей исключительно как на политический.

Подлинный дневник А. В. Богданович спустя почти 100 лет после его первого издания остается неизвестным для историков. А между тем он хранит в себе кладезь информации об общественном, экономическом и политическом развитии Российской империи конца XIX — начала XX в. и поэтому обязательно должен быть введен в научный оборот в полном объеме.

¹ РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 235. Л. 110 об.

² Там же. Д. 237. Л. 5 об.

³ Там же. Д. 252. Л. 62.

⁴ Там же. Д. 243. Л. 20 об.

⁵ Там же. Л. 62 об.

⁶ См.: РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 23. Л. 23 об.

⁷ См.: А. В. Богданович (Некролог) // Вечернее время. 1914. 5 (18) декабря. № 959. С. 3.

⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 76. 1861 г. Д. 22. Л. 233.

⁹ Там же. Л. 341 об.

¹⁰ Там же. Л. 354 об.

¹¹ РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 238. Л. 64 об.; Д. 241. Л. 8; Д. 243. Л. 20 об.

¹² Там же. Д. 249. Л. 91 об.

¹³ Там же. Д. 235. Л. 1.

¹⁴ Там же. Д. 239. Л. 52; Д. 248. Л. 65.

¹⁵ Там же. Д. 235. Л. 119.

¹⁶ Там же. Д. 247. Л. 10 об.

¹⁷ Там же. Д. 259. Л. 65.

¹⁸ Там же. Д. 300. Л. 2.

¹⁹ Там же. Д. 238. Л. 64 об.

²⁰ Там же. Д. 312. Л. 15.

²¹ Весь Петербург на 1909 г. СПб., 1908. С. 903.

²² ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 1361. Л. 2.

²³ Там же. Л. 43–44.

²⁴ Там же. Л. 30 об.

²⁵ Там же. Л. 3, 13 об., 14, 45.

²⁶ Там же. Л. 1, 5.

- ²⁷ Там же. Л. 3, 5, 13 об.
- ²⁸ Там же. Л. 20 об., 21 об., 25 – 25 об., 127 – 127 об.
- ²⁹ Там же. Л. 28.
- ³⁰ Там же. Л. 1.
- ³¹ Там же. Л. 9, 34, 43.
- ³² Там же. Л. 35.
- ³³ Опись фонда № 664 Евгения Васильевича Богдановича (1878–1914) / Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей. М., 1978.
- ³⁴ См.: *Ваксель О. А.* Воспоминания / Подг. текста И. Ивановой, Е. Чуриловой, коммент. Е. Чуриловой // «Возможна ли женщине мертвой хвала?..»: Воспоминания и стихи Ольги Ваксель / Сост. А. Ласкин. М., 2012. С. 54.
- ³⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-6143. Оп. 1. Д. 1381–1428; Оп. 2. Д. 743–747.
- ³⁶ Там же. Д. 1365. Л. 151 – 151 об.
- ³⁷ Там же. Ф. Р-4304. Оп. 1. Д. 1078. Л. 4 – 6 об.
- ³⁸ Там же. Л. 11.
- ³⁹ *Абрамович Д. И.* [Предисловие] // Из дневников А. В. Богданович. ОР РНБ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 1.
- ⁴⁰ РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 549. Л. 8, 25, 67, 68.
- ⁴¹ *Абрамович Д. И.* [Предисловие] // Из дневников А. В. Богданович. ОР РНБ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 1.
- ⁴² Краткий отчет Рукописного отдела за 1914–1938 гг. / Под ред. Т.К. Ухмыловой и В.Г. Геймана; Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1940. С. 45–48.
- ⁴³ РГИА. Дело фонда № 1620. Л. 7.
- ⁴⁴ История Государственного архива Российской Федерации. Документы, статьи, воспоминания / Отв. ред. С. В. Мироненко. М., 2010. С. 103.
- ⁴⁵ РГИА. Дело фонда № 1620. Л. 16.
- ⁴⁶ Там же. Л. 6.
- ⁴⁷ Там же. Л. 10, 25, 26, 31.
- ⁴⁸ Там же. Л. 2.
- ⁴⁹ Там же. Л. 34, 35, 39, 40.
- ⁵⁰ Подробно история фонда Е. В. Богдановича изложена в предисловии к его описи, составленной А. Б. Богомоловым в 2018 г.
- ⁵¹ РГИА. Дело фонда № 1620. Л. 37.
- ⁵² РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 242. Л. 25.
- ⁵³ Там же. Д. 233, 257.
- ⁵⁴ Там же. Д. 252. Л. 184 с об.; Д. 253. Л. 1.
- ⁵⁵ Там же. Д. 233. Л. 3, 8, 27; Д. 235. Л. 28 об.; Д. 238. Л. 90; Д. 253. Л. 3.
- ⁵⁶ Там же. Д. 249. Л. 91 об.
- ⁵⁷ Там же. Д. 294. Л. 84 – 84 об.
- ⁵⁸ См. напр. РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 293. Л. 3; Д. 292. Л. 114.
- ⁵⁹ Там же. Д. 467. Л. 7, 26.
- ⁶⁰ Из дневников А. В. Богданович // ОР РНБ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 51. 322 л. Рукопись. Черновик.
- ⁶¹ *Абрамович Д. И.* [Предисловие]. // Там же. Л. 4.
- ⁶² *Абрамович Д. И.* [Заметки]. // Там же. Л. 320.
- ⁶³ *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 172. Подстрочное примечание.
- ⁶⁴ Ср., например, записи дневника А. В. Богданович за 4, 21, 29, 30 октября, 2, 4, 5 ноября 1880 г.: Из дневника А. В. Богданович // ОР РНБ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 46–52; Дневник А. В. Богданович // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 235. Л. 95 об., 101 об., 104, 104 об., 105 об., 106, 106 об.
- ⁶⁵ *Абрамович Д. И.* [Заметки]. Л. 321.
- ⁶⁶ На книге указаны адреса: в Москве – Кузнецкий пер., д. 4, кв. 25; в Ленинграде – наб. Мойки, д. 42, кв. 25.

- ⁶⁷ Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник А. В. Богданович. М.; Л., 1924. С. 3.
⁶⁸ Там же.
⁶⁹ РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 293. Л. 48.
⁷⁰ Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник А. В. Богданович. М.; Л., 1924. С. 359.
⁷¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 74021. Л. 1 — 5 об.; Ф. 9087. Оп. 1. Д. 67. Л. 957; Ф. 9088. Оп. 1. Д. 466. Л. 86 — 86 об.
⁷² Авторы статьи приносят благодарность А. С. Сухоруковой за предоставленные биографические материалы о Е. И. Вавилове.
⁷³ Вавилов Е. Предисловие // Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник А. В. Богданович. М.; Л., 1924. С. 8.
⁷⁴ Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник А. В. Богданович. М.; Л., 1924. [Указатель]. С. I–LIX.
⁷⁵ Bogdanovitch A. V. Journal de la générale A. V. Bogdanovitch: Chronique du temps des trois derniers Romanof / Trad. du russe par M. Lefebvre. Paris: Payot, 1926.
⁷⁶ Боханов А. Н. Предисловие // Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 5–21.
⁷⁷ Боханов А. Н. Предисловие // Богданович А. В. Три самодержца. Дневники генеральши Богданович. М., 2008. С. 8, 10.
⁷⁸ Там же. С. 3. — Авторы приносят благодарность Т. В. Богдановой за указание на это место в тексте А. Н. Боханова.
⁷⁹ <https://kirillovets.livejournal.com/22015.html> (дата обращения: 24.11.2019).
⁸⁰ Богданович А. В. Дневники. 1879–1912. М., 2018.

References

- A. V. Bogdanovich (*Nekrolog*) [Necrologue. In Russ.] // *Veчерneye vremya*. 1914. 5 (18) dekabrya.
 BOGDANOVICH A. V. *Dnevniki* [Diaries. In Russ.]. 1879–1912. Moscow, 2018.
 BOGDANOVICH A. V. *Tri poslednih samodertzhtca*. [The last three autocrats. In Russ.]. Moscow, 1990.
 BOGDANOVICH A. V. *Tri poslednih samodertzhtca*. Dnevnik A. V. Bogdanovich [The last three autocrats. Diary of A. V. Bogdanovich. In Russ.]. Moscow; Leningrad, 1924.
 BOGDANOVICH A. V. *Tri samodertzhtca. Dnevnik general'shi Bogdanovich*. [Three autocrats. Diaries of the General's Wife Bogdanovich. In Russ.]. Moscow, 2008.
 BOGDANOVITCH A. V. *Journal de la générale A. V. Bogdanovitch: Chronique du temps des trois derniers Romanof* / Trad. du russe par M. Lefebvre. Paris: Payot, 1926. [In French].
 DZHUNKOVSKIY V. F. *Vospominaniya* [Memories. In Russ.]. T. 2. Moscow, 1997.
Istoriya Gosudarstvennogo arkhiva Rossiyskoy Federatsii. Dokumenty, stat'i, vospominaniya [History of the State Archive of the Russian Federation. Documents, articles, memoirs. In Russ.] / *Otv. red. S. V. Mironenko*. Moscow, 2010.
Kratkiy otchyot Rukopisnogo otdela za 1914–1938 zz. [Short report of the Manuscript Department for 1914–1938. In Russ.] / *Pod red. T. K. Ukhmylovoy i V. G. Geymana*; Gos. publ. b-ka im. M. E. Saltykova-Shchedrina. Leningrad, 1940.
Opis' fonda № 664 Yevgeniya Vasilyevicha Bogdanovicha (1878–1914) [Inventory of the fund No. 664 of Yevgeny Vasilyevich Bogdanovich (1878–1914). In Russ.] / *Gosudarstvennaya biblioteka SSSR im. V. I. Lenina. Otdel rukopisey*. Moscow, 1978.
 VAKSEL' O. A. *Vospominaniya* [Memories. In Russ.] // “Vozmozhna li zhenshchine myortvoy khvala?..”: *Vospominaniya i stikhi Ol'gi Vaksel'* [“Is it possible for a dead woman to praise?...”: Memories and poems. In Russ.] / *Sost. A. Laskin*. Moscow, 2012.
Ves' Peterburg na 1909 [The whole of St. Petersburg for 1909. In Russ.]. St. Petersburg, 1908.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

М. В. Друзин, Б. П. Миловидов. Дневник А. В. Богданович: судьба рукописи и история публикации // Петербургский исторический журнал. 2021. № 4. С. 254–275

Аннотация: Широко известный дневник генеральши А. В. Богданович был опубликован в 1924 г. в сильно сокращенном и во многом искаженном виде. Позже он несколько раз переиздавался по первому изданию, оставаясь востребованным историками. В РГИА хранится подлинник рукописи дневника А. В. Богданович, не менее чем в 10 раз превышающий в объеме опубликованную версию. В статье реконструируется история создания рукописи, ее структура: помимо основной «регулярной» части дневника его автором составлялись особенные заметки, выписки, краткие версии дневника, его краткое содержание; анализируются лакуны в рукописи, причины и время их возникновения. Исследован путь дневника от квартиры Богдановичей в 1914 г. по разным архивохранилищам до его современного места хранения — РГИА. Восстановлена история публикации дневника в 1924 г. и его последующих переизданий, анализируется ранее неизвестная, подготовленная в 1921–1923 гг. версия для публикации под редакцией Д. И. Абрамовича. Делается вывод о важности научной публикации полной версии рукописи.

Ключевые слова: дневник А. В. Богданович, провенанс, архив, история публикации, источниковедческое исследование.

FOR CITATION

M. V. Druzin, B. P. Milovidov. Diary of A. V. Bogdanovich: the fate of the manuscript and the history of publication // Petersburg historical journal, no. 4, 2021, pp. 254–275

Abstract: The well-known diary of the general's wife A. V. Bogdanovich was published in 1924 in a greatly abbreviated and largely distorted form. Later, it was reprinted several times in the first edition, remaining in demand by historians. The RGIA keeps the original manuscript of the diary of A. V. Bogdanovich, not less than 10 times larger in volume than the published version. The article reconstructs the history of the creation of the manuscript, its structure: in addition to the main "regular" part of the diary, its author compiled special notes, extracts, short versions of the diary, its summary; the gaps in the manuscript, the causes and time of their occurrence are analyzed. The way of the diary from the Bogdanovichs' apartment in 1914 through various archival repositories to its modern storage place — RGIA is investigated. The history of the publication of the diary in 1924 and its subsequent reprints is restored, the previously unknown version prepared in 1921–1923 for publication under the editorship of D. I. Abramovich is analyzed. The conclusion is made about the importance of scientific publication of the full version of the manuscript.

Key words: diary of A. V. Bogdanovich, provenance, archive, publication history, source research.

Автор: Друзин, Михаил Викторович — к. и. н., научный сотрудник Лаборатории комплексного исследования рукописных памятников СПбИИ РАН.

Author: Druzin, Mikhail Viktorovich — candidate of historical sciences, researcher at the Laboratory of complex research of manuscripts of the St.-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: mdruzin@mail.ru

Автор: Миловидов, Борис Павлович — главный специалист Отдела информации и научного использования документов Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург).

Author: Milovidov, Boris Pavlovich — Chief Specialist of the Department of Information and Scientific Use of Documents of the Russian State Historical Archive (St. Petersburg).

E-mail: milbp@yandex.ru